

УДК 821.161.1.09"19"

А. А. Крюков

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
krukovx@mail.ru

**РОЛЬ МОТИВОВ «СОПЕРНИЧЕСТВА» И «КУПЛИ-ПРОДАЖИ»
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
РОМАНА Ю. ФЕЛЬЗЕНА «СЧАСТЬЕ»**

В статье доказываемся, что повествовательная структура романа Ю. Фельзена «Счастье» основана на взаимодействии мотивов «соперничества» и «купли-продажи». Показывается, что эти мотивы реализуются как на лексическом, так и на образном уровнях. Выявляется, что мотив «соперничества» доминирует в произведении, в то время как мотив «купли-продажи» оказывается побочным, вспомогательным мотивом, маркирующим противопоставление героев (Сергея Николаевича и Володи).

Ключевые слова: мотив, мотивная структура, Ю. Фельзен, поэтика.

A. A. Kryukov

Nekrasov Kostroma State University
krukovx@mail.ru

**THE ROLE OF THE «RIVALRY» AND «BUY/SELL» MOTIFS
IN THE NARRATIVE STRUCTURE
OF YURIY FEL'ZEN'S NOVEL «HAPPINESS»**

It is proved that narrative structure of the Yuriy Fel'zen's novel «Happiness» is based on the interaction of motifs of «rivalry» and «buy/sell». It is shown that these motifs are realised on lexical and on imaginative levels. We reveal that the motif of «rivalry» dominates the work, while the motif of «buy/sell» is the secondary, the bridging motif, which marks contrasting characters (Sergey Nikolayevich and Volodya).

Keywords: motif, motivic structure, Yuriy Fel'zen, poetics.

Юрий Фельзен – малоизвестный ныне писатель русского зарубежья, современник Б. Ю. Поплавского, Г. И. Газданова, В. С. Яновского. Как и все они, Фельзен принадлежит к так называемому «незамеченному поколению» прозаиков-эмигрантов (2, 11). Вследствие этой «незамеченности», проза Ю. Фельзена, к сожалению, почти не изучена. В нашей статье мы обращаемся ко второй книге писателя – роману «Счастье».

Впервые отрывки из романа «Счастье» были напечатаны в 1932 году в 6 выпуске журнала «Числа». В этом же году роман был издан отдельной книгой в берлинском издательстве «Парабола». Г. В. Адамович в газете «Последние новости» от 8 декабря 1932 года опубликовал небольшую рецензию, в которой писал, что роман Фельзена хорош, но, к сожалению, «замкнут». Критик имел в виду то, что оценить роман по достоинству сможет очень небольшое количество людей: «Но Фельзену такие же нужны и читатели, – и если найдется их и не очень много, то преданы они ему будут, как никакому другому современному писателю. Не испугает их ни трудное своеобразие стиля, ни постоянное возвращение к тем же суждениям, ни вся вообще напряженнейшая и вдохновенно-кропотливая путаница этой книги, которую нельзя “перелистать”, в которую надо вчитаться» (1, 161–162). М. О. Цетлин и Ю. К. Терапиано в своих откликах на роман единодушно назвали Фельзена «прустианцем», подразумевая тем самым вторичность его творчества. Хотя Терапиано отметил, что эта книга «одна из самых честных книг, написанных в эмиграции» (4, 269). Кроме того, во всех критических отзывах содержатся ставшие впоследствии обыкновенными замечания о сложности и «неправильности» языка, которым написана книга. На наш взгляд, именно в этой «неправильности» и кроется одна из ключевых особенностей прозы Ю. Фельзена. Намеренно искажая привычные синтаксические конструкции, расширяя предложения до максимальных пределов, Фельзен виртуозно передаёт самое главное – подлинное, живое течение мысли. За кажущей-

ся «необработанностью», безыскусностью языка, которым написано «Счастье», скрывается кропотливо выстроенная автором система мотивов – один из важнейших факторов эстетической целостности романа. Именно мотив как сюжетологическая единица повествовательной структуры скрепляет и связывает эпизоды романа.

Роман «Счастье» – это второй роман в трилогии. Коммуникативная интенция субъекта речи в нём двойственна. Повествование посвящено возлюбленной героя Лёле. Но это уже не датированные автокоммуникативные записи дневникового типа (как в романе «Обман») и не письма (как в романе «Письма о Лермонтове»), а прямо обращённая к Лёле речь. Несмотря на то, что несколько раз герой называет текст записями, излишняя эмоциональность, сложность описываемых переживаний характеризует его, скорее, как внутренний монолог. В романах трилогии воплощаются также и различные формы адресата. В «Обмане» это, судя по всему, сам герой. В «Письмах о Лермонтове» – это Лёля как эксплицитный адресат писем. В «Счастье» же, несмотря на прямое обращение к Лёле, остаётся налёт дневниковости: мы понимаем, что эти записи она вряд ли прочтёт.

Данная особенность текста (изображённая прямая речь) является крайне важной, определяет его художественное своеобразие и усложняет его жанрово-родовую специфику. С одной стороны, перед нами роман – эпический жанр, которому свойственна нарративность (6). С другой стороны, доминирующей коммуникативной стратегией анализируемого текста является перформативность, более характерная для лирических произведений (5). С нашей точки зрения, в данном романе происходит не просто «сращение» двух родов литературы (эпического и лирического). Мы считаем, что в «Счастье» возникает более изощрённый сплав, но не двух родов литературы, а двух коммуникативных стратегий: нарративной и перформативной. Именно такое сочетание характерно для литературы «потока сознания», к которой Фельзена часто относили критики-современники.

Несмотря на доминирующую перформативность, эпичность текста сохраняется за счёт событийности. Но мы наблюдаем не реальное событие, а *ментальное*, то есть происходящее внутри сознания героя. Это означает, что именно субъект речи перестраивает весь мир произведения: выделяет значимые элементы и подробности, опускает всё малозначительное, и самое главное – самостоятельно наделяет вещи значением и утверждает причины происходящего.

В свете данных поэтологических особенностей романа «Счастье» становится важной, на наш взгляд, система мотивов, использованных в нём. Мы исходим из следующего понимания мотива: «<...> любая единица сюжета (или фабулы), взятая в аспекте ее повторяемости, типичности, т. е. имеющая значение либо традиционное (известное из фольклора, литературы; из истории жанра), либо характерное для творчества данного писателя и даже отдельного произведения» (3, 194). Как мы уже сказали, текст представляет собой внутренний монолог персонажа, разделённый на отрывки без заглавий, нумерации и датировки. Мы рассмотрим первую часть – условный пролог. Именно в нём закладываются некоторые темы и мотивы, которые будут проявляться на протяжении всего произведения.

Фабула романа достаточно проста: главный герой наслаждается наконец-то завоеванными отношениями, но его беспокойный характер не даёт ему успокоиться и жить счастливо: он словно предвидит что-то, угрожающее его счастью с Лёлей.

В тексте часто употребляются местоимения, обозначающие Володю и Лёлю («нас», «мы») и подчёркивается отдаление пары от других людей («мы ведем себя по-другому» (7, 176). Но иногда происходит и обратный процесс: единое «мы» начинает распадаться на резко отдалённые «я» и «вы». Данное лексическое разделение продолжается и на образном уровне: герой говорит о своём желании подойти к Лёле и коснуться её, но от неё «непрерывно идет такой на людях ощутительный, такой замыкающийся и стыдливый холодок» (7, 176), что образ первоначального единства даёт трещину.

Восемнадцать раз упомянутое в седьмом абзаце в разных формах местоимение «вы» («вы», «вас», «ваш») характеризует данный абзац: это абзац-обращение, абзац-обвинение. Главный герой пытается понять причины отчуждённости, холодности между ним и Лёлей. Володя винит возлюбленную не просто за её холодность с ним: он требует, чтобы она была так же холодна и с другими. Ему это нужно для того, чтобы хоть как-то подчеркнуть статус её возлюбленного, отмежеваться от других «соперников»: от Бобки и от абстрактного «первого встречного» (7, 178). Именно в образе этого неизвестного и неопределённого «первого встречного» предсказывается будущий разрыв.

Впервые мотив соперничества появляется тогда, когда главный герой вводит в рассказ-воспоминание фигуру соперника. Но соперник этот дважды ослаблен: во-первых, тем, что это воспоминание, то есть не актуальная реальность, а во-вторых, тем, что это – Бобка: персонаж, которого главный герой сознательно ставит ниже себя. Тем не менее, образ соперника становится главной причиной разлада между влюблёнными. Соперник – это фигура из страшного прошлого, которая вновь может вернуться, разрушив отношения Володи и Лёли: «<...> но я мирюсь с какой угодно несправедливостью, только бы вы не исчезли и то смертельно-грустное прошлое не вернулось» (7, 177); «не стоит вспоминать старого,<...> вряд ли оно вернется» (7, 179); «мы оба взволнованы каким-то предчувствием беды или опасным воспоминанием о себе» (7, 179).

Мотив предчувствия беды на протяжении эпизода трансформируется в мотив страшного ожидания неизвестного соперника: «от чего-то невыразимо страшного беречь» (7, 180); «готовиться к очередному удару, которого надо опасаться ежеминутно и с самой неожиданной стороны» (7, 180). Наконец, в двенадцатом абзаце пролога появляется первая во всём тексте романе реплика. Она принадлежит Лёле и словно разделяет его на две половины, как в структурном (она расположена между 11 и 13 абзацами, всего их 24), так и в семантическом плане: «– Должна вас очень огорчить, на днях приезжает Сергей Николаевич» (7, 181). Исходный модус художественности текста был идиллическим, но на протяжении текста идилличность постепенно разрушалась вторгающимися мотивами предчувствия беды и соперничества. Собственно говоря, фраза Лёли является критической точкой, после которой идиллический модус сменяется на драматический.

Новость, о приезде Сергея Николаевича (материализовавшегося соперника) повергает героя в смятение. Володя принципиально избегает называть его по имени и отчеству: только предельно обезличено, солипсистски отрицая его существование – Сергей Н.

Вместе с конкретизацией образа соперника появляется мотив денег, прочно связанный с Сергеем Николаевичем. Последний представляется в сознании героя неким богачом: он режиссёр, что само по себе имеет коннотацию богатства («После своего нашумевшего американского контракта он в свободные от съемок месяцы может ездить куда ему угодно, каждый город, вне России, ему доступен <...>» (7, 181)), он сделал Лёле некий «царственный» подарок», он «благороден и бескорыстно-щедр» (7, 181). В небольшом кусочке текста, следующем за известием о приезде Сергея Николаевича, очень часто звучит мотив денег, мотив купли-продажи. Главный герой осознаёт, что он значительно беднее, чем Сергей Николаевич, что он не обеспечил Лёлю материально. Но Владимир противопоставляет этой «покупке» высокие духовные отношения, которые обеспечены не деньгами и подарками, а подлинными чувствами. Хотя Лёля высоко оценивает роль Сергея Николаевича в своей жизни («Что бы я делала без него, что это за человек, он меня поднял не только денежно, но и духовно» (7, 182)), Володя не воспринимает это как правду, называя слова возлюбленной «“казённой” восторженностью».

Стремление противопоставить отношения, базирующиеся на деньгах, и отношения, основанные на чувствах, крепнет в душе у героя. Он утверждает, что именно искренние чувства важнее любых денег. Тем не менее, у героя появляются и пессимистичные мысли: ему кажется,

что он жертвует для Лёли всем – своим временем, интересами и т. д., но всё равно у него отсутствует то, что есть Сергея Николаевича – деньги. Говоря о себе, герой часто скрыто намекает на отсутствие денег: «дешево отделяюсь», «я лишь на этом “нищенском” и шатком ненадолго».

Всё больше и больше Володя начинает говорить о своём духовном единстве с Лёлей, противопоставляя это единство Сергею Николаевичу: «Вся прелесть наших удивительных с вами отношений в том, что разнообразные их частности неизменно проникнуты чем-то единым – взаимной доброжелательностью и доверием, непрерывным подбадриванием друг друга, каким-то смягченно-чувственным нежным слиянием двух вместе замкнувшихся, от всего отгороженных людей – и еще прелесть их в том, что каждая такая частность по-своему очаровательна и неизгладима» (7, 187). Герой вспоминает некое идеальное время, вспоминает дорогие сердцу детали отношений с возлюбленной. В кратком эпизоде, воссоздающем образ прошлого, вновь восстанавливается идиллический модус: «А вот и нередкие у нас вечера в нарядном вашем пансионе, в неповторимо-родной вашей комнате, огромной, тяжелой, загроможденной коврами, мебелью, подушками в кружевах и разноцветных веселых атласных бантах: мы с вами, одетые, лежим на тесной, немного жесткой кушетке (пышная французская кровать как раз у противоположной стены), ваши плечи покоятся на моей руке, ваша голова чуть ниже моей, и я медленно глажу ближайшей вам правой щекой короткие ослепительно-белокурые ваши волосы, самое властное для меня в неотразимо-волнующем вашем облике и порою наиболее мне послушное» (7, 187).

Но всё то духовное единение, о котором вспоминал Володя, рассыпается в прах, когда он описывает реальные отношения с Лёлей. После невинного, казалось бы, поцелуя в плечо она заявляет ему «– Я начинаю бояться, когда вы со мной обращаетесь слишком уж по привычке, слишком по-хозяйски, точно мы тысячу лет женаты» (7, 190). Лёля упрекает Володю именно за то, что ему не нравилось ему Сергею Николаевиче – за хозяйское, потребительское отношение к женщине, словно к вещи.

Расстроенный, главный герой уходит из дома с самыми мрачными мыслями: он думает, что не нужен Лёле. Но, в конце концов, он продолжает действовать по модели своего соперника: он покупает Лёле духи. Но с его точки зрения, это не подкуп, не осыпание подарками. Это точечное, выверенное удовлетворение Лёлиной потребности: «<...> предыдущие [духи] кончились, вас же неизменно трогает не только внимание, но и его уместность, правильность, я бы точнее выразился, полезность – не оттого, что вы корыстны (денежной корыстности в вас не имеется и в помине), но от удвоенности для вас такого словно бы “внимательного внимания”» (7, 191). После этого между героями происходит примирение.

Подводя итог, можно сказать, что мотивная структура романа «Счастье» основана на взаимодействии доминантного («соперничество») и субдоминантного («купля-продажа») мотивов. Указанные мотивы в тексте произведения реализуются как на лексическом, так и на семантическом уровнях. В системе персонажей у главного героя присутствуют двойники («благородный» Сергей Николаевич и «низкий» Бобка»), отталкиваясь от поведения которых Володя утверждает свои ценностные ориентиры в отношениях с возлюбленной. Мотив денег (шире – материальных ценностей) является здесь побочным, вспомогательным мотивом, маркирующим противопоставление Сергея Николаевича и Володи. Если первый «покупает» Лёлю, пытаясь по-хозяйски ею завладеть, то второй покупает для Лёли, пытаясь принести ей радость и тем самым обеспечить их общее счастье.

Литература

1. Адамович Г. В. <«Обман» Ю. Фельзена. – «Болтовня» Л. Овалова. – «История русской литературы» П. Когана> // Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931). СПб., 2002.
2. Каснэ И. М. Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.

3. Тмарченко Н. Д. Теория литературы: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования: в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2014.
4. Терапиано Ю. К. Фельзен. Счастье // Числа. 1933. № 7–8.
5. Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4.
6. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18).
7. Фельзен Ю. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М., 2012.

УДК 821.161.1.09"19"

Т. Н. Хриптулова

Тверской государственной университет
khriptulovatat@rambler.ru

ВОЕННАЯ ЛИРИКА Н. И. ТРЯПКИНА В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Стихотворения Н. И. Тряпкина о войне – итог переживаний поэта. Опыт войны помог Тряпкину выйти на простор широких исторических размышлений и сопоставлений. В его творчестве проявилась тенденция усиления национальных акцентов в поэзии, характерная для литературы периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: тема, лирика, родина, Н. И. Тряпкин.

T. N. Khriptulova

Tver State University
khriptulovatat@rambler.ru

WAR LYRICAL POETRY BY NIKOLAY TRYAPKIN IN THE CONTEXT OF THE WORLD WAR II (EAST FRONT) LITERATURE

Poems by Nikolay Tryapkin about the Earth's bloodiest war are the result of experience of the poet. The war experience helped Nikolay Tryapkin to embrace a broader historical reflection and comparisons. His work has been a trend for greater national emphasis in poetry, typical literature of the period of the world war.

Keywords: theme, lyrical poetry, motherland, Nikolay Tryapkin

Н. И. Тряпкин, в отличие от многих поэтов военного поколения, не создал серьезной военной лирики. Эту особенность творческой биографии можно объяснить так: во-первых, по состоянию здоровья будущий поэт на войне не был; во-вторых, в годы Великой Отечественной войны Тряпкин только начал свою и трудовую, и литературную деятельность.

Работать поэт начал в 1941 году. С ноября 1941 г. по март 1942 г. он работал редакционным сотрудником районной газеты «Сталинский путь» Сольвычегодского района Архангельской области. В том же 1942 г. устроился счетоводом в колхоз «Большевик» в Архангельской области и трудился в колхозе до октября 1943 г. С января следующего года по июнь 1945 г. Тряпкин работал счетоводом колхоза-деревни Абушково Лотошинского района Московской области.

В годы войны началось становление Тряпкина как поэта, в 1945 г. он начал серьезно заниматься литературой и через год опубликовал свои произведения в журнале «Октябрь» (9). Прошли годы, прежде чем поэт сумел сказать свое слово о войне.

Художественное наследие Тряпкина можно разделить на 3 периода: I период – ранняя лирика (1940–1950-е годы), II период – зрелое творчество (1960–1970-е годы), III период – поздняя лирика Тряпкина (1980–1990-е годы). В каждом из названных периодов военная тема образуется с помощью следующих ключевых тем: тема солдатского пути/дороги, тяжелых испытаний, смерти, памяти, творчества, военной юности и приобретения жизненного опыта.

Первая группа стихотворений на военную тему была написана Тряпкиным в годы Великой Отечественной войны (19 % от общего количества текстов по теме). В стихотворениях звучали мотивы Родины, большой и малой. Уже в юношеской лирике поэт старается выйти на дорогу широких исторических размышлений и сопоставлений («Суворов играет в бабки»),